

Валентина Шабалина

Старуха Судьба

МОНО-ПЬЕСА

12+

Валентина Шабалина

Старуха Судьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67804718

SelfPub; 2022

Аннотация

Порой наступает такой возраст, когда друзья и родственники смотрят на тебя с небес, а ты всё живёшь и живёшь в своём одиночестве. И вдруг – бах! – юбилей! Главное, не потерять чувство юмора, даже если деменция тихо сидит рядом. Ну и, конечно, пригласить на юбилей своих друзей... с того света.

Валентина Шабалина

Старуха Судьба

Моно-пьеса

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – женщина 80 лет.

Однокомнатная квартира, обставленная в стиле 60-70 годов XX века. На стенах полки с книгами, портреты, висит зеркало в красивой оправе, сбоку старинный буфет, кресло-качалка. На тумбочке – проигрыватель с пластинками и стационарный телефон. В центре круглый стол, покрытый вязаной скатертью, на нём стоит коробка с тортом. Около стола шесть стульев. Над столом висит большой абажур с кистями. Входит Ольга Владимировна. Подходит к буфету, достаёт красивые чашки с блюдами.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Сейчас достанем праздничные чашки. (Разглядывает чашки, протирает, ставит в ряд на буфет.) Какая красота! Хайтинский фарфор, ручная работа. Сейчас давно уже в Хайте завода нет, а чашки есть. Парадокс! Хотя, почему парадокс? Родители умирают, дети остаются. Мне эти чашки подарили... Дай, бог, памяти! На мой день рождения! Точно! Ещё помню! То, что было давно, как сейчас помню, а то, что сейчас происходит – не помню, как будто это было давно! Врачи говорят, это нормально для склероза. Значит, я пока в норме. Это радует! О чём это я

размышляла?.. О чашках! Да, о чашках! Сорок лет мне тогда было, а нынче юбилей – восемьдесят. Восемьдесят лет! Чашки можно отдать в музей – они уже история, раз завода нет. Куда мне столько посуды? С собой не возьмёшь. В сорок думала, что не доживу до таких лет. Дожила! Ещё бегаю. Интересно, когда девяносто стукнет, что буду думать? «Дожила! Ещё ползаю!»? А в сто лет? Нет. До ста доживать не стоит. До девяноста – и хватит! А чашки? Да, чашки! Мне их Светка с Надей подарили. Это мои подруги бывшие. Бывшие – потому что их уже нет. Я есть, чашки есть, а их нет. Мой муж – Олег Викторович, царство ему небесное, одну чашку разбил в тот же день. Сказал, что она разбилась на счастье. Но счастье, как потом выяснилось, было в другой чашке – в Светкиной. Вот так и осталось шесть блюдец и пять чашек.

Подходит с одной чайной парой к столу.

– Я сяду в центре... как именинница. Вот здесь. (Ставит чашку на стол.) Сегодня мне почёт и уважение. А кто сегодня у меня приглашённый? Хотя, о чём это я? Круг знакомых давно не меняется! Все одни и те же лица.

Подходит к буфету, берёт вторую чайную пару.

– По правую руку от меня сядет Галка. Красивая была! Мы с ней вместе в институте учились на строительном фа-

культете. С института и дружили. Ноги длинные, стать гордая, фигура и лицо как из мрамора высечены! Загляденье, а не девушка! Бывало, идём с ней по городу – у мужчин шеи заклинивает, вслед ей смотреть. А она ни на кого не смотрит, идёт вот так... (показывает, как шла подруга), гордо! Она, хоть и казалось, что не смотрит, всё видела и замечала: кто, как посмотрел, кто из машины чуть не выпал.

Разговаривает с воображаемой Галкой.

– Помнишь, Галя, как молодые люди уступали тебе место в автобусе, когда ты входила? Молниеносно соскакивали с кресла! Мне тогда не уступали, только тебе, да ещё и назначали свидания. На которые ты, конечно, не ходила. А теперь уступают место и мне, правда, соскакивают не так быстро, не сразу меня замечают. Ну, что ты хочешь? Старость перед красотой незаметна. Ты всегда ревностно относилась к поклонению своей красоте, и, если тебя это порадует, на свидания меня молодые люди и не думают приглашать, только уступают место.

Ты, Галка, будешь сидеть здесь.

Ставит чайную пару на стол справа от своей пары.

– Галя погибла. По моим меркам молодая – сорок пять ей было. Она полетела в Петербург на новогодние каникулы на

три дня, со своим бой-френдом. Так теперь называется любовник. Первого января самолёт поднялся, и упал недалеко от города. Никто не выжил. Никто. (Садится на Галин стул, гладит рукой скатерть.) Интересно, какая бы ты сегодня была на моём юбилее, Галка? Время тебя тоже бы не пощадило? Как и меня? Но я не могу даже представить тебя старой. Твоё преимущество передо мной в том, что ты осталась навсегда в памяти молодой. Ты никогда не станешь старой как я. Ты будешь вечно молодая! (Пауза.) Как странно звучит «вечно молодая». Тебя нет, но ты – молодая! Да ещё в вечности! Почему, чтобы остаться молодой, надо пройти через столь жуткое испытание? Я бы не хотела! Знать судьба у тебя такая – остаться молодой. Наверное, поэтому ты спешила жить, а я потихоньку шла по жизни! Тебя нет, а я есть, и я – старая. У меня судьба старухи. Старуха Судьба! (Раздражённо.) Опять ты меня обскакала, Галка! Лезешь с какими-то глупостями! Не мешай!

Идёт к буфету, берёт третью пару.

– По левую руку, ближе к сердцу, сядет Надюшка. Надеюсь, девчонки не обидятся, что я её ближе к себе посадила. Мы с Надей дольше всех дружили. Познакомились на работе. Она работала в соседнем отделе электричкой. Так мы называли тех, кто работал в электротехническом отделе. Весёлая была, стройная. А как пела! Я тоже хотела петь и танце-

вать! Но не пела. Вообще-то, у меня хороший слух – я всегда слышу, когда фальшиво пою, или, когда в оркестре не ту ноту берёт кто-нибудь из музыкантов. Я всё слышу! И поэтому стесняюсь петь, потому что боюсь взять не ту ноту. Особенно мне не удавалась «соль». Это был кошмар, когда я не могла её взять, и понимала, что фальшивлю! Танцевать тоже стеснялась, потому что не видела со стороны, красиво у меня получается или нет. Не хотелось быть посмешищем. Комплексов у меня было достаточно! А Надька ничего не боялась – она просто пела и танцевала! От души! Она была из деревни, и эта открытость души и смелось во всём, всегда в ней присутствовали. А так и надо, ничего не бояться, и просто петь! Я это поняла, когда мне стукнуло семьдесят лет. Вроде, и шея не длинная, но доходило долго. Я стала петь и танцевать дома. А что? Пока меня никто не видит, могу позволить себе старческие выкрутасы в паре с подагрой! А Надя всё это позволила себе в молодости. Надо всегда позволять себе делать, что хочется! Особенно в молодости! Особенно!

Наде удавались песни протяжные, такие...предзакатные, тёплые и нежные, и боевые частушки.

Ставит чайную пару на стол слева от своей пары.

– Надя, помнишь, как ты пела? Вот эту! (Садится на Надин стул.)

Поёт песню.

Кто-то стучит по батарее.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Вот так всегда! Опять стучит! Как только я пою, он стучит! Не даёт таланту развиваться. Хорошо, что наверху никто не живёт, я на последнем этаже одна ближе к Богу живу, никому не мешаю! А это Павел Григорьевич с нижнего этажа стучит. Возможно, не любит музыку. Он недавно переехал в наш дом, несколько месяцев назад. До него никто не стучал. Говорит, продал квартиру: себе однокомнатную в нашем доме купил, а сыну с невесткой двухкомнатную в другом районе. Недавно с ним познакомилась, вместе на мусорную свалку прогулялись. Он не знал, куда мы мусор выбрасываем; вышел с мусором, а на улице нет никого, кроме меня. У меня вечерний моцион – гуляю перед сном. Пришлось на свалку его вести. Так и познакомилась. Семьдесят пять ему всего – пацан! А ведёт себя, как не знаю кто, ...как старикашка! Одни разговоры у него про болезни. Как встретит меня на лестнице, так сразу начинает спрашивать о здоровье! Далось ему моё здоровье! Бегаю, и, слава богу! Хорошо, хоть о своих болячках не рассказывает! Неделю назад спросил, составила ли я завещание?! Он, видите ли, от нотариуса шёл, решил поделиться впечатлениями и подсказать, где ближе его заверить. Да у зрелой женщины спрашивать о завещании так же неприлично, как у юной девушки о возрасте! Люди почему-то думают, что по-

жилые женщины скрывают свой возраст. Ничего подобного! Это ложное заблуждение! Когда ты в возрасте, каждый прибавленный тобою год к собственному дню рождения, это твой бонус! Например, если я скажу, что мне уже девяносто два, люди будут восхищаться мной, говорить, что я прекрасно выгляжу для своих лет, и что мне не дашь больше семидесяти пяти! И я сразу становлюсь моложе на семнадцать лет! Это приятно! А если бы сказала правду, что мне восемьдесят, то помолодела бы только на пять лет. Разница существенная! Да и прибавлять года мне уже не страшно, это даже какой-то азарт придаёт, настроение повышает!

Подходит к зеркалу, смотрится в него и поёт.

– «Хороша я, хороша! Да плохо я одета! Никто замуж не берёт девушку за это».

Опять стучат по батарее

Ольга Владимировна подходит к батарее, стучит в ответ.

– Слышу, слышу! Не глухая! Павел Григорьевич всё не уймётся! Неугомонный старичок! Любит, наверное, погундеть, попилить. Все мужчины в возрасте такие! Редко встретишь адекватного моего возраста! Как в лесу живу. Ау-ау! Налево посмотрю – глухой. Направо посмотрю – уже с деменцией дружит. Когда я была молодая, было много интересных здра-

вомыслящих мужчин! Куда они делись? Вот и Павел Григорьевич плоховато слышит, да ещё, похоже, зануда.

Нехорошо как-то я о нём говорю. Я же его не знаю. Прости меня, Господи! (Крестится.) Не хочу никого обсуждать – все люди хорошие, у всех свои хорошенькие тараканы в голове!

Да и я хороша! Надо было заранее ему сказать, что юбилей намечается, пляски и песни будут, пока не упаду. Надо соседа предупредить, а то insult на нервной почве хватит – себе не прощу. Он мне говорил, что любит тишину, что ему не нравится, когда наверху топают. Поэтому и выбрал наш дом. Парк рядом, машин мало, пенсионеров много. Можно, сказать, попал в рай!

Сейчас позвоню. Где моя сумка? (Ищет сумку.) Там, в блокноте, записан номер телефона. Он мне сам недавно дал, когда от нотариуса шёл: свой номер дал и нотариуса. Да где же сумка?! Сколько раз себе говорила – все вещи должны лежать на своих местах! Нашла, наконец-то! (Открывает сумку.) Вот блокнот. (Листает блокнот.) А вот и номер. (Подходит к стационарному телефону, надевает очки, набирает номер.) Двадцать семь... Или двадцать один? Что за почерк! Тридцать четыре... Кошмар! Надо было самой записать. Пятьдесят... или шестьдесят? Вот, что набирать – шестёрку или пятёрку?! Если не дозвонюсь, ему будет хуже!

Говорит в трубку.

– Алло! Алло!

Павел Григорьевич? Это вы? Слава богу, к вам попала!

Конечно, могла не дозвониться. Кто так пишет цифры?

Пятёрку от шестёрки не отличить, семёрку от единицы!

Да вы мне сами и написали. Позвольте, угадаю вашу профессию. Вы врач. Только у врачей невозможно прочитать в рецептах, что написано. Угадала?

Бывший следователь? Хм! Как интересно! Но, ближе к делу. Я звоню вам...

Нет, нет, не о нотариусе спросить. Мне это ни к чему, у меня квартира не приватизирована. Пусть приватизирует тот, кому она нужна, а я передам после смерти. Я по другому делу...

Какая собака?

Только что выла собака, как будто её душили? Да что вы говорите?!

У меня выла? У меня нет собаки!

Частенько воеет?

А-а-а, поэтому вы стучите по батарее, чтобы прекратили издеваться над собакой? Какой ужас!

Да, у нас в подъезде живёт большая собака. Я не знала, что она так страдает! Хозяева – люди приличные.

По голосу пёсик небольших размеров? Тогда не он. Я видела эту собаку – мне по пояс.

Я не знаю, кастрированная она или нет. У неё, что, может измениться голос от кастрации?

Откуда я знаю, я же с ней не разговаривала, просто прошла мимо. Давайте, сменим тему, Павел Григорьевич.

Нет, я люблю собак! Но я звоню вам по поводу моего юбилея. Я хочу немного потанцевать и попеть. Звоню, чтобы вы не волновались, если будет шумно, вы ведь любитель тишины. Это только один раз, а потом будете отдыхать в тишине до следующего юбилея!

Сколько мне лет?

Почему неприлично спрашивать? Мне же не шестнадцать! В моём возрасте всё прилично!

Мне ещё только девяносто!

Спасибо...спасибо... Это благодаря скандинавской ходьбе я так выгляжу! А вы ходите?

Не пробовали... Понимаю, понимаю... После юбилея, отлежусь, и обязательно возьму вас на прогулку, запасайтесь палками, хотя бы лыжными. И без возражений!

Я? Танцевать? Конечно, буду! Нет, от вальса у меня голова кружится. Помните, как пела Клавдия Шульженко? (Поёт.) «Как это? Как это я не права? Я и не думаю злиться! Ах, как кружится голова, как голова кружится!» Не правда ли – мило? И Шульженко вне конкуренции!

Что я танцую? Я люблю степ.

Алло! Павел Григорьевич, вы куда-то пропали!

Я вас удивила? Степом?

Ну, я ещё вас по-настоящему не удивляла! Я с удовольствием посмотрю на вас, когда вы увидите, как я танцую

степ. Вот тогда вы действительно удивитесь!

Вы уж извините, сегодня не приглашаю на юбилей, мы с вами мало знакомы. И приглашать незнакомых мужчин в гости, это – моветон. А на девяносто пятую годовщину – пожалуйста!

А-а-а, вы бы всё равно не смогли прийти, у вас артрит... Понимаю...

Но хотели бы посмотреть, как я танцую?...Хм... Я вам позвоню, когда начнутся пляски. До свидания.

Кладёт трубку. Сидит молча.

– Посмотреть, как я танцую?! Я бы сама хотела на это посмотреть. О чём это я? У меня ещё стол не накрыт, а я о танцах! Бездельница!

Кто там следующий из приглашённых гостей? Олег Викторович... Олечка.

Подходит к буфету, берёт четвертую чайную пару.

– А куда Олега Викторовича посадить? Это мой бывший муж, уже покойный. Но успокоился он в другой семье. Царство ему небесное! (Крестится.) На его похоронах я была. Хорошие похороны, достойные...понравились. Помню, я там подумала, как хорошо, что не мне пришлось его хоронить. Я бы не выдержала, рыдала бы белугой, хотя он этого и

не заслуживает. Да я и так плакала – без разницы – жена или нет. Всё-таки десять лет вместе прожили, да лет двадцать уже не жили! За такое время плохое забывается, а помнится только хорошее. Хотя у некоторых наоборот – плохое помнится, а хорошее забывается. Вот Зиночка из пятого подъезда... Зинаида Михайловна. Бывшая балерина... Еле ходит – ноги больные. А ведь до сих пор помнит, как я, лет сорок назад, последний пучок зелени в магазине, перед её носом, взяла. Так у меня гости должны были приехать, точнее гость. Мой любимый Андро! Он грузин! А какой праздничный стол, накрытый для грузина, без зелени? Это не стол! Так... столик. В ту пору в магазинах плохо было с зеленью, да и с остальными продуктами тоже плохо. А Зиночка, оказывается, только зеленью да гречкой питалась, и у неё тоже гость намечался. Я зелень Зине не дала, хотя она меня упрашивала, отдать этот пучок. Ну, меня тоже понять можно – мне накрыть стол надо было. А пучок маленький, даже не поделить. Я ей посоветовала пельмени взять, их как раз выбросили в соседнем отделе, а она возмутилась, говорит, ешьте их сами! А мы с Андро пельмени с зеленью и съели, и ничего, вкусно было! Сейчас в магазинах всё есть – фрукты, овощи, зелень на выбор! Бери – не хочу! Вчера Зиночку встретила, помогла ей до дома дойти, ноги у неё плохо ходят. Так она мне тот пучок припомнила! Пучок сорокалетней давности! Говорит, что я ей жизнь разбила этим пучком. К ней тоже мужчина в тот день пришёл, она салат приготовила, а зелени

не было, так он больше к ней не пришёл! А зелень причём? Глупая она, надо было пельмени варить, тогда каждый день бы приходил! Зиночка так замуж и не вышла. До сих пор одна живёт. Может этот пучок ей по ночам снится? Надо будет, купить зелени, да прийти к ней мириться. Зелени поедим, прошлое вспомним и забудем! И всё будет хорошо.

Для кого это у меня чашка в руках? Я же Зину не приглашаю... А, вспомнила – чашка для Олега! Что-то про слёзы было... Ну, да, ну, да... про слёзы!

На похоронах Олега Викторовича жена его вторая – Светка – даже слезинки не проронила. Вобла сухоглазая! Хотя бы для приличия луковицу, чищенную, в верхний карман положила, хоть и жгучие слёзы, да слёзы! Но я Светку понимаю: ей обидно – пока они жили вместе, Олег по привычке бегал налево и направо. Я-то от него, когда всё узнала, сама ушла в эту мамину квартиру, а Светке пришлось этого ловеласа хоронить.

Олега Викторовича подальше посадим. К сердцу слева не посажу, этого разбивателя сердец. Сердце ещё мне нужно. Зато на него смотреть можно издали. Красивый был. Оттого и бабы на шею вешались.

Подходит к буфету, берёт пятое блюдце без чашки.

– Это блюдце для моей третьей подруги Светки-разлучницы. А начиналось-то всё как хорошо! Дружили, мечтали,

ездили вместе отдыхать, работали в одном проектно институте. Потом Светка ушла из него, видать стыдно стало, что мужа у меня увела. Не смогла мне в глаза смотреть.

На том далёком дне рождении, Олег нечаянно разбил Светкину чашку. Сказал, что это на счастье. Я только посмеялась и пожелала Свете счастья от всей души. Тогда я не знала, что мой муж и моя подруга давно тайно встречаются. Есть на свете доброжелатели, рассказали мне о них. Видать, все знали, кроме меня. Я проследила за ними и всё узнала. Что творилось у меня на душе, одному Богу известно! Когда Олег пришёл домой, я ему всё в лицо и выпалила – никогда не могла что-то держать в себе. Он отрицать не стал, признался, что полюбил впервые, и ему со Светкой очень хорошо. Тогда он не просил у меня прощения, просто сказал, что нам нужно развестись, детей у нас всё равно не будет, а Светка была уже на втором месяце.

И я отпустила его. Потому что ещё любила. Я собрала свои вещи, и ушла к маме, благо, было куда уйти. А ту квартиру, в которой мы жили с Олежкой и вместе получали как молодые специалисты, оставила им. Света жила в общежитии, а у Олега кроме той квартиры ничего не было за душой. К тому же они ждали ребёнка. Квартира хоть и однокомнатная, но светлая. В институте все девчонки сказали, что я – дура.

В самом начале нашей семейной жизни я тоже забеременела, но Олег сказал, что мы ещё не пожили для себя, и ре-

бёнок будет только мешать. Я, точно, была глупой влюблённой дуручкой, и пошла у него на поводу. После того аборта больше детей у меня не было, хотя врачи отговаривали меня от этого необдуманного шага.

Ставит на стол блюдце. Садится на стул, предназначенный Свете.

– Света, будешь пить из своего «счастливого» блюдца. «Счастливого» в кавычках.

Света не смогла выносить ребёнка, оказалась внематочная беременность. Ей вырезали одну трубу. Через несколько лет она вновь забеременела, и вновь внематочная. Это был какой-то рок! Ей вырезали вторую трубу и больше она детей иметь не могла. Олег стал открыто гулять, а Светка по ночам, когда его не было, плакать.

Когда Олег умер, у Светы нашли рак лёгкого. Наверное, вся невысказанная боль в болезнь ушла. Она лечилась, но безрезультатно. Через несколько лет мы встретились случайно в магазине. Я тогда не сразу узнала её – похудевшую, осунувшуюся, с потухшими глазами. Она подошла ко мне и попросила прощение. Оказывается, она долго искала меня, но не знала моего адреса. Кто-то сказал ей, что надо попросить у всех, кого в жизни обидел, прощение, может тогда болезнь и отступит. Да я и не держала на неё зла! Я ей так и сказала. Ну, может, только поначалу обидно было. А когда встретила

Андро, обо всём забыла!

Я стала приходить к Свете, помогать по хозяйству. У неё не было сил, даже кашу сварить себе. Потом она слегла, и мне пришлось стать сиделкой. Делать уколы и выносить судно из-под неё. Глядя на неё, я научилась ценить каждый миг своей жизни. Она умерла у меня на руках. Тихо сказала: «Прости». И закрыла глаза. Похоронили её рядом с Олегом. Обращается к Свете.

– А ты знаешь, Света, что Олег, когда вы жили вместе, два раза приходил ко мне в эту квартиру, ловил на улице? Просил, чтобы мы сошлись, говорил, что понял, кого потерял. Но я не приняла его. Не приняла. Можешь быть спокойна.

Идёт к буфету, берёт последнюю шестую чайную пару.

– А эта чашка для моего Андро. Любимый мой, сколько же мы с тобой уже не виделись?

Я встретила его в Грузии, куда ездила по профсоюзной путёвке после развода с Олегом, чтобы развеяться. Грузия тогда была житницей настоящих мужчин! Мне показалось, что там работали одни женщины, а все мужчины, кто не торговал, наслаждались жизнью. Я переходила улицу по светофору, а Андро, недавно купивший чёрную волгу и права, чуть не задавил меня на радостях. Оказывается, он был дальтоником и не различал зелёный свет! Он выскочил из машины

перепуганный и смешной, предложил отвести меня в больницу, хотя машина даже не задела меня. Я раскричалась, что он ездить не умеет, и права, наверное, купил. «Тише, красавица, зачем кричишь? – сказал он. – Не хочешь в больницу, поехали в ресторан!» И мы поехали в ресторан.

Две недели мы провели вместе. Он оказался очень интересным человеком. А какой у него был голос! Оказывается, его приглашали петь в Тбилисский театр оперы и балета, но он отказался, потому что ему надо было кормить жену и детей. Он пел и пел мне грузинские песни, а я не могла наслушаться их. В бардачке машины лежала свирель, которую он всегда возил с собой и виртуозно играл на ней. Однажды мы поехали в горы, и он взял с собой ещё и дудар – армянский инструмент.

Мы сидели на камнях, и я слушала голос дудара. До сих пор он звучит в моём сердце.

Ольга Владимировна поставила чашку на стол, села на стул, предназначенный Андро, и закрыла лицо рукавом.

Звучит дудар.

Мелодия заканчивается.

Ольга Владимировна выходит из оцепенения. Встаёт. Глядя в пространство, она видит перед собой Андро.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Андро, это ты? За столько лет ты ничуть не изменился! Ты всё такой же красавец, как

и раньше. У тебя даже седины нет. Я до сих пор люблю тебя, Андро!

Поворачивается и говорит в зал.

– Андро приезжал ко мне из Грузии каждый год – то на неделю, то на две. Как ему удавалось выкроить время, чтобы перелететь через всю страну, даже представить не могу! И хотя я понимала, что чувствует его жена, я не могла отказаться от этих встреч. Это были недели долгожданного счастья! Я ждала их целый год, жила только ими! Эта сказка продолжалась восемь лет. Каждую среду, все восемь лет, в девять часов вечера он звонил мне по телефону, и мы разговаривали по несколько часов, и не могли наговориться. Восемь коротких, незабываемых лет! Как быстро они пролетели!

Тихо звучит дудар или свирель.

– Андро погиб в автокатастрофе. Дальтонизм и купленные права сыграли с ним плохую шутку. Я почувствовала, когда это произошло, меня, словно током ударило – вот сюда – в сердце! Через месяц пришло письмо от Тамарико Капанадзе, матери Андро, где сообщалось о его смерти. Она знала о моём существовании, но, как мудрая грузинская женщина молчала, понимая его чувства. После смерти Андро, разбирая бумаги, Тамарико нашла мою фотографию и адрес,

и написала. На двух концах необъятного Союза – в России и Грузии – мы оплакивали смерть любимого нами человека.

Дудар замолкает.

Ольга Владимировна оглядывает стол.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Ну, что ж, чашки расставлены, торт есть. (Развязывает коробку с тортом.) А где Андроник? Забыла про тебя, дорогой мой!

Уходит на кухню.

Приносит маленький расписной самовар с заварочным чайничком, ставит на стол.

– Этот самовар мне подарил Андро. Мы как-то гуляли по городу в последний его приезд, зашли в магазин. Он увидел расписные самовары и решил купить мне самый большой. «Будешь чай пить и меня вспоминать», – сказал он. «Зачем мне такой большой самовар, – смеялась я, – я не выпью столько чаю – лопну!» «Не лопайся, – сказал он с акцентом, – я буду переживать, я тебе маленький куплю! Пока меня не будет, будешь с ним чай пить и разговаривать. Он всё понимает, только молчит. Назовём его Андроник. Имя у него должно быть почти как моё, чтобы тебе не скучно было». И купил вот этот самоварчик. Так у меня появился Андроник.

Ну, вот, стол накрыт! Чудесно! Теперь надо надеть моё самое красивое платье и причёску. Сейчас поставлю для настроения музыку...

Подходит к проигрывателю, ставит пластинку.

Звучит Дюк Элингтон или Армстронг.

Обращается к невидимым гостям за столом.

– Побудьте без меня, сейчас вернусь.

Уходит.

Входит в комнату под музыку, смешно пританцовывая.

На ней красивое платье, парик.

Выключает проигрыватель.

Подходит к зеркалу, поправляет парик.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Мой любимый парик! В нём даже постаревшая мордочка интеллигентнее смотрится. И платье за тридцать лет не потеряло своего шарма. Красота!

Так, теперь поздравления. (Смотрит в зеркало.) Поздравляю вас, Ольга Владимировна с юбилеем! Надеюсь, в девяносто лет мы ещё с вами тряхнём стариной! Не могу сказать, что с годами вы становитесь лучше – красоты уже нет, но обаяние всё ещё проглядывает из-под ваших морщин, если присмотреться! Это я вам так польстила. Кроме меня всё

равно некому доброе слово вам сказать. Где-то слышала, что старость некоторым идёт. Может быть. Но, поверьте, для человека это не комплемент.

Удивительно, я себя вижу только в зеркале. (Отворачивается от зеркала.) А так не вижу! Не вижу лица, не вижу, как оно стареет. Говорят, что надо любить себя. Но, чтобы полюбить, надо увидеть предмет любви, а себя человек не видит. Богом так дано! Чтобы человек любил других людей, то есть был человеколюбив. Это Нарцисс, увидел своё отражение в воде и влюбился в себя, а про своих подружек нимф забыл. Получается, надо меньше смотреться в зеркала, тогда не заметишь приход старости..., и тебе будет казаться, что ты умираешь молодым. Если не вдаваться в подробности – в этом что-то есть!

Подходит к столу, садится на своё место.

– Ну, вот, можно разливать чай.

Да, Андро, вы же с Олегом ещё не знакомы? Это мой бывший муж. Бывший, бывший! И не надо мне здесь устраивать сцены ревности, Олег! (Пауза.) Хотя, не скрою, приятно, когда тебя ревнуют!

Олег, ты ведь тоже не видел Андро. Он помог пережить мне твою измену. Ты недоумевал. Ревновал. А я цвела! У меня был мужчина, который меня любил! Мне же многого и не надо. Надо, чтобы меня любили! Я так хотела услышать

слова «Я тебя люблю!». Но ты, Олежка, мне этого ни разу не сказал. Даже когда предложение делал, не сказал. Ты сказал просто – давай поженимся! У Ларисы Гузеевой тоже просто – давай поженимся! – а любви-то нет. Любви нет... А это главное! И у тебя не было любви ко мне, ну, может, чуть-чуть нравилась, и только. А я тебя безумно любила, ты был моим первым мужчиной! Ты был моей мечтой! А тебе нужна была домработница без жалования, женщина на ночь, и чтобы эту женщину не стыдно было показать друзьям – и всё! Это, конечно, много, но много для тебя, а не для меня. Поначалу я закрывала глаза, старалась не замечать того, что лежало на поверхности, и что было очевидно для всех. Если бы можно было положить на весы, с одной стороны мою любовь, а с другой твои нужды и желания, то любовь бы перевесила всё.

Я тебя часто спрашивала, любишь ли ты меня? Ты недоумённо смотрел сквозь меня и говорил: «Ты сама знаешь!» А я не знала! Ты мне этого никогда не говорил! Я только с возрастом поняла, что хочу одного – один раз услышать от тебя – «Я – тебя – люблю!» Услышать и умереть! – как сказала Коко Шанель. (Удивлённо.) Почему Коко Шанель? Это я говорила, а не она! При чём тут Коко? Как это связано? А, вспомнила! Мне Андро подарил духи «Шанель № 5». Он их купил на шанхайке. Да, они были китайского разлива, и французы даже не нюхали их, но для меня это было не важно! Он вытащил из кармана коробочку с духами и сказал: «Оленька, я люблю тебя!» И мне больше ничего не надо бы-

ло! Только это драгоценное слово – «люблю»!

Сидит молча.

-Хватит воспоминаний! Будем пить чай.

Андроник, налей-ка мне чаю!

Наливает себе чай в чашку из самовара.

Пододвигает к себе торт и берёт большую ложку. Ест.

– Ну, что вы так смотрите? Я всю жизнь мечтала, чтобы мне подарили большой торт, и я бы его ела одна, не разрезая, ложкой. Наверное, это во мне сидит моё послевоенное детство и просит: «Дай сладенького, дай сладенького!». На углу улицы Тимирязева, где трамвай поворачивает на рынок, стояла булочная. Её давно снесли, а я помню отчётливо, как с мамой стояли за белым батоном. Белого хлеба мы тогда и не видели, только серый. А тут по двору новость пробежала – батоны в булочную привезли из белой муки, по одному в руки дают. Очередь огромная, расплзлась по улице змеёй до самого архива, что находился тогда в Преображенской церкви. В руки давали по одному батону, поэтому все матери стояли со своими детьми, и прихватывали ещё и соседских детей. Нам с мамой достались две белые длинные булки. Я шла по улице и ела этот хлеб, откусывая прямо от батона. И не было ничего вкуснее его!

Сегодня купила торт. Вспомнила детство, и решила побаловать его в восемьдесят лет. Лучше поздно, но купить! Купила торт для себя любимой и ем. Одна! (Ест ложкой торт.) Мммм... По-моему, целиком есть даже вкуснее, чем маленьким кусочком. Можно набрать побольше крема и орешков. Вкуснотища! Отчего я так раньше не делала? (Кладёт ложку. Задумчиво.) А раньше и некогда было – то образование и воспитание не позволяли, то глупостями занималась. А жаль, иногда надо сходить с ума, и делать то, что тебе очень, очень хочется! Даже в восемьдесят лет! Потому что за той чертой, что Бог нам отмерил и начертил, будет поздно. Очень поздно, просто невозможно. Не-воз-мож-но!

Сейчас я хочу спеть песню о старости. Такая песня на моём юбилее вполне актуальна.

Поёт.

Стук по батарее.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Опять?

Звонит стационарный телефон.

Ольга Владимировна подходит к телефону, берёт трубку.

– Алло! Я слушаю!

Павел Григорьевич? Что случилось?

Собака? Долго выла? У меня? Я же вам говорила – у меня нет никакой собаки!

Чем я занималась? Пела!

Что значит – это я выла? Я – пела! У вас что-то со слухом, дорогой сосед! Или вы ненавидите музыку?

Ах, вы любите музыку? Не похоже!

Да, я знаю, что у вас со слухом плохо! Но это вас не оправдывает! В мой юбилей сказать, что я не пою, а вою! Это кощунство! О юбилярах и о покойниках плохо не говорят!

Нет, не прощу!

Это у вас контузия после того как грабитель ударил вас по уху? Боже праведный! Сколько вы натерпелись!

Ладно, прощаю! Я лучше для вас станцую степ. В честь примирения.

Сейчас поставлю пластинку, трубку положу рядом. А перебор моих ног будете слушать через потолок.

Стук – это не пение, Павел Григорьевич! Вой не напоминает!

Всё! Мне надо приготовиться!

Кладёт трубку на проигрыватель. Включает музыку.
Говорит в трубку.

– Алло! Павел Григорьевич! Слышно?

Я говорю – музыку слышно? Прекрасно!

Уходит. Приносит палки для скандинавской ходьбы.
Начинает танцевать и отбивать дробь палками под музыку.

Музыка заканчивается.

Подходит, запыхавшись, к телефону. Говорит в трубку.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Павел Григорьевич! Ну, как?

Впечатлило? Меня тоже! Сама не ожидала, что так получится! Есть ещё порох в пороховницах!

Научу! Обязательно! Только отдышусь! Запыхалась... возраст всё-таки!

Чайку сейчас хлебну.

Как вы мне вовремя напомнили! Я про шампанское и забыла!

Кладёт трубку.

– Вот ведь, незадача! Про шампанское забыла! Юбилей на сухую прошёл!

Уходит на кухню.

Приносит шампанское.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Надо было сухое вино взять.

Я же не умею открывать шампанское, так же как и чиркать зажигалкой. Да и сухое вино не смогла бы открыть! Всегда все смеялись надо мной. А я не умею! Зачем шампанское взяла? Память дырявая, совсем забыла, что открыть некому. Надо было попросить в магазине, чтобы открыли! Как всегда, позднее зажигание у вас, Ольга Владимировна!

Ставит бутылку на стол.

– Ладно, чаю попью. (Садится за стол, пьёт чай.)

Резко ставит кружку на стол.

– Стоп! Оставайтесь все на местах! Мне надо позвонить! Опять забыла! Память-то до сих пор девичья, хотя подруга рядом давно стоит с косой. Не с той косой – для красоты, а с той, которой она косит людей! Всегда задавала себе вопрос – почему с косой? Мне не нравится коса! Кто это выдумал? Пусть моя подруга придёт ко мне с тортиком для приманки, или с хорошей книгой. А можно, с тем и с другим: посидим, поболтаем по душам... если у неё душа, конечно, есть. А потом поедем в её страну, посмотреть тамошние красоты. Я в других странах-то и не была. Как-то стороной это обошло: то денег не было, то времени, то не выпускали. Советский Союз исколесила вдоль и поперёк. Раньше проще было – в профсоюз пошёл, путёвку взял, за тебя ещё пятьдесят про-

центов оплатят, а иногда и все семьдесят. И ездят – не хочу! А почему я об этом вспомнила? Смерть и профсоюзы – странное сочетание. Что-то я хотела... А! Позвонить. Где мой телефон? Всегда теряется. (Ищет сотовый телефон.) Вот стационарный телефон – стоит себе на одном месте, и стоит, никуда не теряется, а этот маленький пострел, всё бегают и бегают от меня... Придумали бы такое: увидел телефон хозяйку – меня, например, – и запищал бы радостно: мол, вот где я, бери меня! Хотя, какая радость видеть старуху? Думаю, он бы поглубже закопался. Нет, пусть остаётся таким, какой есть. Я тебя и таким люблю! Только найдись! Слава богу, нашла! (Берёт телефон в руки.) На любовь все откликаются! Даже телефоны! Надо позвонить Иришке. Иришка это Надина дочь. Мы договорились, я должна каждый вечер ей звонить, или послать СМС, что жива. Ей меня хоронить. Не большое удовольствие, скажу я вам, ей досталось. Но у меня нет родственников, а кто-то должен меня закопать. Подруги мои все умерли, на государство надежды мало – оно зашевелится, когда запах из квартиры пойдёт. Так что одна надежда на Иришку. Звонить я без надобности ей не буду. Зачем человека по пустякам тревожить? Ей, для приличия, надо будет спросить о моём здоровье. Мне, для приличия, надо рассказать что-то плохое о моём здоровье. А разве ей интересно это плохое? Оно и мне не интересно! Так зачем нагружать хорошего человека плохой информацией? Лучше СМС послать. И ясно всё, и никакой болтовни. Недавно с

Иришкой ходили в магазин, она мне помогла купить сотовый телефон, показала, как звонить и посылать СМС. У меня на телефоне только её номер и записан. Больше звонить некому. Да и Иришке звоню редко, с праздником каким-нибудь поздравлю или с днём рождения. А так только записки ей шлю, из-за них этот телефон и купила. У меня и текст набран. Где он? (Надевает очки.) Вот: «Иришка, я ещё жива. Спи спокойно!» Ну вот, послала.

Хорошую вещь придумали – мобильный телефон. Друг карманный. Гуляешь по парку и он с тобой! Всегда связь с миром есть. Вдруг кто-то позвонит, а я тут как тут, рядом с телефоном. Хотя, кроме Иришки, звонить некому, но я всё равно жду звонка. А зачем я жду? Зачем?

Странно как-то я написала Иришке – «спи спокойно». Как будто она будет плохо спать, когда я умру. Плохо спят, когда умирает близкий человек, например, мать.

Подходит к стене, где висит фотография матери.
Снимает фото со стены.

– Это моя мама. Красивая была – тонкая, звонкая, умная! И как учительница – строгая. Я была у неё поздним ребёнком. Я родилась, когда ей было уже под сорок. Старо-родящая, как тогда говорили. Она одна меня воспитывала, поэтому и держала в ежовых рукавицах. Отца у меня не было. Поначалу я всё её пытала – кто мой отец? А она только отшу-

чивалась. Когда я подросла, поняла – мавр сделал своё дело, мавр может умереть. Спасибо и на том, незнакомый отец, что дал жизнь. Может, тебе и повезло, что ты не стал мужем моей мамы. У неё же – шаг влево, шаг вправо – расстрел! А может ты был уже женат и оттого не остался с ней? Тогда знай – мама тебе никогда не изменяла. По крайней мере, я такого не замечала.

Мама любила поэзию. Она была филолог и собирала сборники наших сибирских поэтов. Она и мне привила любовь к стихам. Она любила перечитывать Василия Козлова:

Сияет вечная надежда.

Горит сердечная печаль.

А жизнь, как старая одежда,

Поизносил, а бросить жаль.

Латать и штопать станешь снова,

Пока, истёршись по краям,

В руках последнего портного

Не расползётся вся по швам.

– А мне нравился Толя Змеевский:

Назвать твою любовь великой –
никак, по сути, не назвать.

Узнать тебя в иконных ликах –
по сути, вовсе не узнать.

Стеля себя, себя роняя,
как Бог Отец, и Сын, и Дух
Меня повсюду охраняет
твоей любви лебяжий пух.

Когда мне казнь в степи устроят
разбойной вьюги соловьи,
меня спасительно накроет
лебяжий пух твоей любви.

Когда судьба меня накажет,
столкнув на камни с облаков,
я упаду на пух лебяжий –
на вездесущую любовь.

Когда на взрыде или всхлипе
я испущу уставший дух,
взамен земли меня засыпет
твоей любви лебяжий пух.

Подходит к стене вешает портрет обратно.

– Эти стихи для тебя мамочка.

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА. Когда я ушла от Олега, мама

пустила меня к себе. Со скрипом, с выговором, нопустила. С годами она стала мягче, но учительские замашки сохранила. Вместе мы прожили только год. Она умерла на семьдесят третьем году – оторвался тромб.

Мама, я хочу перед тобой покаяться.

Мама, твоя дочь была на пути разврата. Хорошо, что ты про это не знала! Ты бы меня не поняла. Я сама иногда прихожу в ужас, когда вспоминаю свой бесшабашный бальзаковский возраст. Но с другой стороны – есть, что вспомнить! Молодёжь думает, что наше поколение ничего не понимает в любви! Что они знают больше, у них всё интереснее! А люди со времён пещерного человека ничего нового не придумали! Секс, можно сказать, покрыт исторической пылью. Глупо как-то сказала! Историческая пыль... Восемьдесят лет на свете живу, а всё глупости в голову лезут! Это я уже исторический персонаж, как та пыль. Нет, я думаю, мама, тебе про это знать не надо! И потом, всё это было после развода с Олегом! Всё законно! Я была свободной женщиной. А когда появился Андро, я уже соблюдала целомудрие по отношению к другим мужчинам! Надеюсь, в этом ты бы меня одобрила.

А вообще, мамочка, жизнь у меня была, как дорога с множеством лежачих полицейских! Трясло как на ухабах! Нет, не то! Что я говорю? Полицейские здесь ни при чём. Как-то нехорошо звучит. Слава богу, что милиционеров переименовали в полицейских. Лежачий милиционер звучит как-то неловко, бестолково! Лежачий милиционер... Нет! Поли-

цейский – интереснее звучит! А вот если бы у нас оставили милиционеров, а на дорогах бы лежали лежачие полицейские? О! Думаю, был бы международный скандал! Милиционер переехал полицейского! Немыслимо!

Вот! Наконец-то я поняла, почему наше правительство переименовало милицию в полицию – чтобы избежать международного скандала! Правительство на целый шаг вперёд видит! Молодцы! Хорошо работают. О чём это я? У меня никогда не было ни милиционера, ни полицейского! Опять деменция пошаливает! Стоп! Зато появился сосед следователь! Правда, бывший, но следователь!

Причём тут следователь? Что опять в голову пришло?

Вспомнила. Я же хотела покаяться. Невозможно носить это в себе десятки лет! Сейчас соберусь с духом и скажу.

Я – убийца! Я убила человека! Правда, ментально. Но так тоже можно убить! Самое ужасное в этом то, что никто никогда не найдёт убийцу! А мы своими мыслям, словами, обидами, злословием, можем убивать. Но осознать, что ты это сделал – тяжело!

Может, позвонить Павлу Григорьевичу и всё как на духу рассказать?

Нет! Он ментальные преступления не раскрывал. Он не знает, что это такое. Для него всё должно быть реально. Что бы ни упасть в моих глазах, он скажет, что за давностью лет это уже несущественно! И потом невозможно доказать, что вы убили, а может он сам умер. Следователь меня не поймёт.

Но на сердце-то до сих пор беспокойно.

Подходит к Надиному стулу.

– Надя, помнишь, у вас в электротехническом отделе работал Геннадий Борисович? Лысый маленький проектировщик. Он был не глуп, но до чужого добра иногда охочий. Как-то раз у нас в отделе был ремонт, и нас посадили к вам. Незадолго до конца работы, ко мне подошла Оксана из сантехнического отдела и попросила маникюрные щипчики, она собиралась к кому-то в гости. По тем временам щипчики были дефицитом. Купить их было сложно, а правильно заточить ещё сложнее. Мои щипчики резали как по маслу, не оставляя заусениц. Я дала их Оксане и попросила положить ко мне в стол, так как я уезжала на объект.

Утром щипчиков в столе не оказалось. Выяснили, что позже всех уходил Геннадий Борисович, уборщица, из-за скученности столов, полы не мыла. Девочки сказали, что Геннадий Борисович собирает вечерами у себя дома радиоприёмники, и маленькие кусачки ему были нужны. Но не пойманый – не вор! Не могла же я, подойти к нему, и открыто попросить, вернуть их мне. И я придумала, как это сделать! Геннадий Борисович был очень мнительный, и я решила сыграть на этом.

Подговорив девчонок подыграть мне, я зашла в отдел.

– Что-то вы сегодня грустная, Оля, – сказал Геннадий Бо-

рисович.

– У меня украли маникюрные щипчики, – сказала я. – А купить новые не возможно, их нет в магазинах. Одно утешает, что вор всё равно будет наказан!

– Как это? – удивился он.

– Моя бабушка сделала на мои вещи заговор на смерть тому, кто их украдёт! Она сделала на рак!

После этих слов я встала и вышла из кабинета.

Геннадий Борисович обратился к девочкам – правда ли то, что я сказала?

Они подтвердили, что моя бабка, действительно, очень сильная ведьма, и заговор – чистая правда.

Хотя, на самом деле, никакой бабки-ведьмы у меня и в помине не было. Я рассчитывала, что он испугается и подкинет куда-нибудь эти злополучные щипчики. Увы, он перепугался больше, чем следовало, и не рискнул подкинуть их. Через три месяца у него, неожиданно для всех, нашли опухоль в голове, а ещё через три месяца он умер. За полгода сторел. К тому времени я забыла о своей шутке, но со временем, анализируя, поняла, что я подтолкнула его к этому заболеванию. Красть, конечно, не хорошо, но такая чепуха как щипчики не стоят жизни человека. Нельзя шутить судьбами людей. Жаль, что понимаешь это только тогда, когда становишься старухой!

Геннадий Борисович, если вы меня слышите, простите меня неразумную!

Жизнь преподала урок и вам и мне.

Если бы человечество осознало, сколько убийц среди добродорядочных людей – оно пришло бы в ужас!

Господи, прости мои прегрешения, как и я всем прощаю!

Садится за стол, закрывает лицо руками.

– Не могу оставаться одна! Надо позвать Павла Григорьевича! Услышать живой голос.

Подходит к стационарному телефону, набирает номер.

– Павел Григорьевич, вы можете подняться ко мне?

Незнакомы? Мало ли что я говорила! Вспомнили! Мы с вами за этот вечер столько наговорили, что, можно считать, знакомство состоялось! Никогда не слушайте, что говорит женщина, но прислушивайтесь!

Не поняли, что я сказала? Не берите в голову, я сама иногда не понимаю, что говорю. Просто приходите. Я сегодня хочу хорошенько выпить, если смогу, конечно, но я одна не осилю бутылку шампанского. Мне нужен собутыльник и собеседник!

Не надо никаких подарков! Мне некому открыть шампанское! И если вы станете моим кавалером на вечер, откроете шампанское и поздравите меня каким-нибудь витиеватым тостом, это будет самым неожиданным и приятным подар-

ком моему одиночеству. Знаете, в девяносто лет...

В восемьдесят? Вы знаете, что мне восемьдесят? Откуда? Ах, да, вы же следователь!

Нет, я не забыла свой возраст, просто он как-то из головы вылетел. Эта самоуверенная глупость свойственна многим старушкам, которые прошли огонь, воду и медные трубы – то бишь – юность, зрелость и старость!

А как ваш артрит?... Не отпускает.

Ничего, приходите вместе с артритом. Посидим втроём.

Гости? Они ничего не скажут, они просто не пришли.

Нет, ничего страшного не случилось, они не забыли про мой юбилей. Они просто умерли.

Конечно, не все сразу, в порядке очереди! Апокалипсиса ещё не было!

Нет, Павел Григорьевич, я просто их вспоминала: своих друзей, близких, родных. Так сказать, подводила черту под своей жизнью. Юбилей это такая веха, когда надо остановиться, оглянуться и посмотреть, что ты натворил за прожитую жизнь. Иногда это приятно, иногда неприятно, иногда просто отвратительно. Но это кирпичики твоей жизни, их невозможно выбросить из памяти, как не старайся; их надо просто понять, принять, и тогда они не будут приходить к тебе по ночам и надоедать.

Да не собираюсь я умирать! Просто, когда подвёл черту, надо перешагнуть через неё и идти дальше – делать новые глупости!

Приходите, Павел Григорьевич, выпьем и от души пово-
ем! Я жду.

Гаснет свет.

КОНЕЦ